

Тань Юмин пошарил в кармане и обнаружил, что его телефон на самом деле всё это время был при нём. Он несколько раз ввёл неправильный пароль, прежде чем смог его разблокировать.

Увидев имя Тань Юмина на экране, Чжо Чжисюань почувствовал, как по спине пробежал холодок. Его охватило дурное предчувствие. В последний раз звонок со своего телефона Тань Юмин совершал, когда они с Шэнь Цзуннянем поругались.

Он сделал срочный знак «тише» Сюй Эньи и Цзян Ину, которые о чём-то болтали, и ответил на вызов.

Тань Юмин спросил:

— Ты где?

— Только что проехал мост.

Из-за того, что перед Новым годом Чжо Чжисюань натворил дел ради Чэнь Ваня, его семья до сих пор удерживала его машину и карты. В повседневной жизни ему приходилось ездить зайцем. Сначала он катался с Чэнь Ванем, потом с Цинь Чжаотином, а сегодня настала очередь Цзян Ина. Никому не удавалось избежать этой участи.

— Разворачивайся, забери меня у «Пули».

— А?

Цзян Ин, сидевший за рулём, покосился на него, а Сюй Эньи высунулась с заднего сиденья.

Чжо Чжисюань не вынес их любопытных взглядов и, не задавая лишних вопросов, тут же ответил:

— Ладно, тогда подожди немного, мы скоро будем.

Тань Юмину пришлось проторчать на пронизывающем ветру двадцать минут, прежде чем машина наконец приехала. За это время телефон зазвонил лишь раз. Он не взял трубку, и больше звонков не было.

Открыв дверь машины, он уже собирался разразиться восьмью сотнями ругательств в адрес Шэнь Цзунняня, но заметил на заднем сиденье даму. С трудом собрав остатки джентльменских манер, он кивнул Сюй Эньи.

Чжо Чжисюань и Цзян Ин переглянулись и беззвучно завели диалог: «Ты спроси».

«Нет, ты спроси».

Оба оказались трусами, поэтому госпожа Сюй взяла инициативу в свои руки:

— Что случилось, молодой господин Тань?

— Шэнь Цзуннянь с ума сошёл, а мне лень ему потакать.

Сюй Эньи чуть не умерла со смеху. Цзян Ин вёл машину, поэтому ему пришлось спросить:

— Ну и куда же вас теперь отвезти, господин Тань?

От этого вопроса Тань Юмин и сам оказался в замешательстве.

Обычно он жил с Шэнь Цзуннянем на Цзошидэн-роуд. Вся остальная недвижимость, зарегистрированная на его имя, была пустой — там ничего не было.

В технопарке всех принудительно отправили на праздники, так что там никого не осталось. У Чжо Чжисюаня в семье были строгие порядки. Цзян Ин, по правде говоря, был ближе к Шэнь Цзунняню, а ссоры — это их личное дело, незачем ставить общих друзей в неловкое положение.

Но если вернуться в старый особняк, слуги обязательно доложат Гуань Кэчжи.

Как же всё бесит.

Чжо Чжисюань смекнул, в чём дело, обернулся и предложил:

— Может, отвезём тебя обратно в «Пули»? Госпожа Сюй, должно быть, ещё не спит. Сможете перекинуться в картишки, а завтра вместе сходите на утренний чай.

— Не поеду.

«Пули» принадлежал Шэнь Цзунняню. Поссориться и пойти ночевать в отель оппонента — это уже ни в какие ворота, никакой гордости.

Сюй Эньи проявила щедрость:

— Тогда, может, поедешь ко мне?

Единственная дочь нефтяного магната владела несметным количеством недвижимости, включая виллы специально для приёма друзей.

— На праздники я живу в семейном особняке, так что дом всё равно пустует. Поезжай, добавишь немного жизни.

Тань Юмин только собирался сказать, что в критические моменты на старых одноклассников всегда можно положиться, как Цзян Ин и Чжо Чжисюань в один голос выпалили:

— Нельзя!

Сказав это, они сами удивились и переглянулись. Гнев Тань Юмина снова вспыхнул.

Он пнул спинку переднего сиденья:

— Вы двое тоже с ума сошли?

Чжо Чжисюань лихорадочно соображал и нашёл повод:

— Брат, поверь мне: не успеешь ты и шагу ступить из машины, как «Вечерний Хайду» выдаст заголовок: «Главный плейбой Сянцзяна замечен в Тайпин Цяньване. Блудный сын остепенился: новая пассия — наследница нефтяной империи?».

На Праздник весны всем делать нечего, все только и ждут новых сплетен. Стоит вам только переглянуться, как они раструбят о скорой свадьбе. Как ты потом дома оправдываться будешь? Тебе что, мало слухов о твоих похождениях?

— И чего мне бояться? — Тань Юмину было нечего скрывать, его совесть была чиста. Он холодно усмехнулся: — Ты прекрасно знаешь, откуда берутся эти слухи.

Чжо Чжисюань смутился:

— Да толку-то, что я знаю.

У Тань Юмина было много друзей. Ещё со школьных времён вся эта компания оболтусов и разгильдяев, натворив дел и желая избежать наказания от родителей, прикрывалась его именем. Семья Тань всё равно души не чаяла в своём сыне, а влиятельные семьи только и ждали повода наладить с ними связи.

Тань Юмин не придавал значения мелочам. Если дело не касалось принципиальных вопросов, ему было лень каждый день ставить этих мажоров на место.

Если бы он действительно вёл себя так, как расписывали папарацци, Гуань Кэчжи давно бы с него три шкуры спустила.

Семья Тань хоть и баловала сына, на самом деле была очень строгой и традиционной, и никогда не шла на компромиссы в вопросах морали.

— Это тебе не обычные сплетни, — у Чжо Чжисюаня голова шла кругом. — Придётся объясняться не только тебе, но и госпоже Сюй. Это затронет обе семьи... Трудно будет оправдаться.

Но Сюй Эньи заявила:

— А мне не нужно оправдываться.

Свободолюбивая и независимая девушка добавила:

— Меня лично мало волнуют всякие выдумки.

Тань Юмин тут же согласился: великие умы мыслят одинаково.

— Вот именно, нечего им потакать.

Они сразу нашли общий язык и так и порешили.

Чжо Чжисюань и Цзян Ин: «...»

Тань Юмин выдержал в доме Сюй Эньи лишь одну ночь. Не в силах выносить тишину, он попросил у неё яхту и позвал друзей выйти в море.

В любое время дня и ночи у Тань Юмина всегда находилась компания, готовая откликнуться на его зов.

Он всё ещё злился. Два дня подряд он сам стоял за штурвалом, управляя шикарной «Фэйтянь» так, словно это был спортивный катер.

Яхта вздымала белые пенные волны. Несколько соседних яхт сначала обдало брызгами, а затем им пришлось сменить курс, чтобы уступить дорогу. Несколько разгневанных мажоров отправили людей разузнать, что за наглец так лихачит. Когда им доложили, что это молодой господин Тань, они лишь переглянулись и замолчали.

Кто-то предложил подойти и поздороваться, но вернувшиеся люди сообщили, что Тань Юмин перекрыл фарватер и запретил кому-либо приближаться. Оставалось лишь смириться.

Тань Юмин гнал на полной скорости более десяти морских миль. Все на борту были совершенно дезориентированы. Навстречу поднялась огромная волна, и капитан-голландец в панике закричал:

— Captain Тань! Please! Please!

Тань Юмин с каменным лицом поднял солнцезащитные очки и вернул ему штурвал.

Погода ночью на море выдалась отличной, видимость звёздного неба была поразительной. Лёжа на палубе и глядя в ночное небо, Тань Юмин неожиданно для себя самого узнал несколько созвездий.

Вспомнилась заброшенная обсерватория Кеплера на горе Цзядолия — идеальное место для наблюдения за фейерверками и световыми шоу в заливе Виктория. Многие отпрыски богатых семей привозили туда молоденьких моделей и старлеток покататься по горным дорогам, и ради улыбки красавиц часто устраивали там грандиозные потасовки.

В прошлом году, в день суперлуния, Тань Юмин объявил, что бронирует обсерваторию. Никто не посмел с ним спорить.

Никто не знал, ради кого господин Тань в ту ночь сорил деньгами. На следующий день «Вечерний Хайду» скрупулёзно перечислил всех актрис и моделей, с которыми ему приписывали романы, и детально разобрал каждую кандидатуру. Папарацци были обведены вокруг пальца.

Тань Юмин умирал со смеху, читая всё это. Ведь он забронировал обсерваторию специально для Шэнь Цзунняня.

Но Шэнь Цзуннянь так с ним обошёлся. Совесть у него, похоже, собаки съели.

Тань Юмин взял телефон и посмотрел на экран. За два дня — ни единого сообщения.

Экран погас, и человек вместе с ним потускнел. Ночной прилив скрыто бурлил, поднимаясь всё выше и выше, словно грозясь затопить нос и рот, перекрывая дыхание.

Тань Юмин плыл на одинокой лодке по морю — без направления, без конца и края.

Ночью сигнал был слабым, горная дорога тонула во мраке. Шэнь Цзуннянь на пол-оборота повернул руль, чтобы объехать корни дерева, поваленного тайфуном.

Старый особняк семьи Шэнь располагался на склоне горы Боли. Ворота открывались одни за другими, и чёрный Бентли беспрепятственно въехал внутрь, погружаясь в густой горный туман.

Карнизы, балки и западные окна особняка Шэнь были украшены весенними парными надписями, но из-за отсутствия людей старинный дом казался пустынным. Красный цвет придавал ему атмосферу увядающего праздника.

Дворецкий ждал в переднем дворе. Давно не появлявшийся молодой хозяин в длинном чёрном пальто казался немного чужим.

Высокий, длинноногий Шэнь Цзуннянь вышел из зимнего горного тумана.

Свет был тусклым. Старый дворецкий шагнул вперёд:

— Молодой господин, всё готово.

Шэнь Цзуннянь кивнул:

— Дядя Цзян.

Дворецкий предложил:

— Уже так поздно, может, сначала перекусите?

Шэнь Цзуннянь возвращался в особняк Шэнь лишь раз в год, проводил одну ночь в главных покоях Шэнь Чжунвана без сна, и с пустым желудком выдержать это было бы тяжело.

— Не нужно, я пойду прямо туда.

Главные покои Шэнь Чжунвана сохранились в том же виде, что и при жизни хозяина: кресла тайши, квадратный стол для восьмерых, горизонтальная доска с каллиграфией, центральные колонны.

Шэнь Чжунван был человеком смелым и передовым. Ещё в прошлом веке он начал вести дела с иностранцами, а его казино и отели простирались от порта до центрального района. Однако его эстетические предпочтения были глубоко традиционными, в китайском стиле.

В центре висели европейские часы, символизирующие «мир на всю жизнь», на востоке стояла фарфоровая ваза, на западе — зеркало с орнаментом из цветов тунгового дерева, что означало «мир на востоке, спокойствие на западе».

К сожалению, вопреки его желаниям, в особняке семьи Шэнь не было ни «мира», ни «спокойствия».

Шэнь Цзуннянь зажёл благовония, затем вернулся в центральный зал и сел. Он не стал опускаться на колени или произносить какие-либо речи.

Он не верил, что боги наблюдают с высоты в три чи, и не верил в то, что у умерших есть души. Мёртвые мертвы, а возвращение живых к старикам по праздникам — это просто проявление сыновней почтительности.

Огромный портрет Шэнь Чжунвана вовсе не казался пугающим. Широкие плечи, густые волосы, добрый взгляд, но при этом резкие черты лица и едва заметная усмешка в уголках губ — таким он и остался в памяти Шэнь Цзунняня.

Когда Тань Юмин увидел эту фотографию, он воскликнул:

— Ух ты, твой дедушка в молодости, должно быть, был невероятным красавцем.

«...» Шэнь Цзуннянь не удостоил его ответом и молча убрал фотографию.

Спустя шестнадцать лет он снова поднял глаза и встретился взглядом со стариком. В его сердце закралось редкое сомнение: правильно ли было тогда отправить его в семью Тань?

Шэнь Цзуннянь не привык менять своих решений. Он не боялся, что Тань Юмин разозлится, он лишь переживал, что тот будет страдать.

Он невольно задумался, не был ли он слишком жесток. Он забыл дать ему время привыкнуть. Если бы он действовал медленнее, разрыв был бы менее болезненным и легче принят?

Это был его процесс отвыкания, и он не должен был заставлять Тань Юмина страдать вместе с ним.

Поэтому, если бы позволяло время, Шэнь Цзуннянь был бы готов помочь Тань Юмину постепенно адаптироваться, пока рядом с ним не появится кто-то новый, пока он окончательно не перестанет нуждаться в Шэнь Цзунняне.

Дым от благовоний клубился у устало сдвинутых бровей. Шэнь Цзуннянь отогнал лишние мысли и, откинувшись на спинку кресла тайши, молча просидел так до самого рассвета.

Восьмое число было благоприятным днём, вычисленным мастером фэншуй. Прямые и боковые ветви семьи потянулись в особняк, чтобы воскурить благовония покойному старому господину Шэню.

Но представителям боковых ветвей дозволялось возжигать благовония только перед курильницей во внутреннем дворе. Входить внутрь им было запрещено.

Несколько дядей миновали экранную стену и цветочные ворота, зажгли благовония, сожгли ритуальные деньги и совершили поклоны, что-то бормоча себе под нос. Внезапно из-за ширмы появилась тёмная фигура, до смерти их напугав. Мерцающий огонёк почти погас.

Только когда человек шагнул на свет, они смогли разглядеть его лицо. Придя в себя, дяди неуверенно поздоровались с Шэнь Цзуннянем.

Последняя порция благовоний была зажжена в начале часа Обезьяны (15:00-17:00). Шэнь Цзуннянь остался на обед в главном доме, заняв место во главе стола. Только когда он взял в руки палочки, остальные тоже приступили к еде.

Дяди и тётки, которым ещё позволялось сидеть за этим столом, были теми, кто выжил в той самой внутренней борьбе. В большинстве своём это были трусы и приспособленцы, у которых были злые намерения, но не хватало смелости.

В своё время они не осмелились по-настоящему выступить против малолетнего Шэнь Цзунняня, поэтому, повзрослев, он пощадил их. После того как он сосредоточил всю власть в своих руках, их жизнь или смерть, бедность или богатство его больше не волновали.

Все смеялись и болтали. Возникла атмосфера поверхностного веселья и фальшивого мира.

Никто не смел упоминать родителей Шэнь Цзунняня. Зато заговорили о могиле двоюродного деда, прах которого до сих пор не был перенесён на семейное кладбище Шэнь на горе. Все деликатно выражали надежду, что Шэнь Цзуннянь пересмотрит это решение.

Двоюродный дед был родным братом старика Шэнь Чжунвана. Потерпев поражение во внутренней борьбе, он от гнева и расстройств быстро скончался. Шэнь Цзуннянь был безжалостен: он вычеркнул их ветвь из генеалогического древа и запретил хоронить на родовом кладбище.

Шэнь Цзуннянь спокойно спросил:

— Что пересмотреть?

Второй дядя, Шэнь Сяочжун, заискивающе сказал:

— То кладбище такое тесное, к тому же там шумно. Каждый раз, когда его семья приезжает и уезжает, папарацци так и снуют. Мёртвые должны покоиться с миром. Как ни крути, он же был родным братом твоего дедушки. В конце концов, мы все одна семья.

Дело было вовсе не в том, что он хотел помочь ветви двоюродного деда. Просто сейчас семья Шэнь полностью находилась под контролем Шэнь Цзунняня. Оставшиеся члены прямой линии были малочисленны и слабы. Если не объединиться и не заявить о себе, жить станет ещё труднее.

Шэнь Цзуннянь сделал глоток супа и небрежно бросил:

— О, та самая семья, которая так спешила отключить кислород своему старшему брату.

«...» Второй дядя неловко рассмеялся:

— Эти назойливые папарацци постоянно выдумывают небылицы и ворошат прошлое. Это вредит имиджу «Хуаньту» и твоему личному.

Давление общественного мнения и моральный шантаж на Шэнь Цзунняня не действовали. Человеку, не признающему родства, было плевать на устои и этику. Он вытер рот салфеткой:

— Если они недовольны нынешним кладбищем, я могу приказать людям выкопать гроб Шэнь Чжунляна и отправить его в подвал. Там тихо, как раз подходит для упокоения.

За столом воцарилась мёртвая тишина.

Когда Шэнь Цзунняню было восемь лет, по приказу Шэнь Чжунляна его заперли в подвале на три дня без капли воды. Когда это раскрылось, Шэнь Чжунлян заявил, что слуга случайно перепутал двери.

Никто не ожидал, что Шэнь Цзуннянь будет таким злопамятным. Третий дядя, Шэнь Сяожэнь, попытался сгладить ситуацию:

— Это всё дела прошлого, не будем об этом. Новый год ведь. Интересно, как там твой младший брат за границей поживает? Столько лет прошло, а у него всё нет возможности вернуться и зажечь благовония дедушке.

Шэнь Цзыци был младшим сыном старшего брата, Шэнь Сяочана. Шэнь Сяочан долгие годы был вынужден скитаться за границей, и Шэнь Цзыци тоже был выслан туда Шэнь Цзуннянем.

Шэнь Цзуннянь уже почти забыл о существовании этого никчёмного младшего брата:

— Если третий дядя так сильно скучает, я могу отправить за вами людей, чтобы вы лично съездили и проведали его.

Вот только не факт, что вернётесь.

Третий дядя замолчал, а второй дядя с горечью поддакнул:

— Эх, «Хуаньту» — это дело жизни твоего прадеда, деда и многих поколений. Свои люди надёжнее. Кровь гуще воды, чужие с нами не сравнятся.

И в этих словах явно читался намёк на Тань Юмина.

Как бы жестока ни была внутренняя борьба, победитель становится королём, а проигравший — никем. Но они не могли смириться с тем, что член семьи Шэнь отворачивается от своих и прислуживает чужим, словно раб или прислуга.

Особенно учитывая то, что в последние годы Шэнь Цзуннянь изменил правила семейного траста, и они, родные дети старого господина, не получали ни гроша, в то время как семья Тань наживалась на каждом шагу.

А уж этот изнеженный плейбой вил из Шэнь Цзунняня верёвки: попросит звезду с неба — и луну отдаст.

Они боялись, что скоро «Хуаньту» сменит владельца и фамилию на Тань. Все родственники — и прямые, и боковые — отчаянно завидовали и скрежетали зубами от бессилия.

Шэнь Цзуннянь молча, не отрываясь, посмотрел на Шэнь Сяочжуна. У того ёкнуло сердце. Жена поспешно дёрнула его за рукав, чтобы он больше не болтал.

Все за этим столом знали: на многое Шэнь Цзуннянь мог просто закрыть глаза. Сказали и сказали.

Но что касалось семьи Тань, и в особенности Тань Юмина, — об этом лучше было помалкивать.

В начале часа Обезьяны Шэнь Цзуннянь отправился в главный дом, чтобы возжечь последние благовония.

Коридор был длинным и глубоким. Несколько детей, пришедших со взрослыми, играли там. Увидев Шэнь Цзунняня, они испугались и молча расступились. Один из малышей вдруг беспричинно расплакался.

Шэнь Цзуннянь в недоумении бесстрастно посмотрел на неё. Малышка разрыдалась ещё громче и шлёпнулась прямо посреди коридора.

«...»

Шэнь Цзуннянь, не глядя, обошёл её. Но, сделав пару шагов, всё же вернулся, подхватил эту кроху и переставил её к краю, чтобы снующие туда-сюда слуги случайно на неё не наступили.

Перед отъездом дядя Цзян проводил его до переднего двора.

— Молодой господин, когда будет время, заезжайте почаще поведать старого господина.

Дворецкий прослужил в семье Шэнь несколько десятилетий и знал, что Шэнь Чжунван больше всех любил именно Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь лишь сказал:

— Дядя Цзян, не пускайте сюда кого попало.

Старый дворецкий махнул рукой:

— Я знаю.

В горах незаметно заморосил дождь. Слуга пошёл за зонтом, а старый дворецкий, немного поколебавшись, всё же спросил:

— Молодой господин хорошо поживает в семье Тань?

С тех пор как он уехал в двенадцать лет, Шэнь Цзуннянь больше никогда не возвращался сюда

жить.

Дождь усилился, капли звонко стучали по карнизу. Шэнь Цзуннянь немного посмотрел на дождь и ответил:

— Вполне.

Старый дворецкий был в преклонных летах и кивал медленно:

— Тогда я спокоен, и старый господин тоже может быть спокоен.

— Возвращайтесь, я пошёл. — Шэнь Цзуннянь одной рукой с щелчком раскрыл чёрный зонт и широким шагом направился под дождь, точно так же, как прошлой ночью он появился из зимнего тумана.

Дождь слегка намочил подол его пальто. Старый дворецкий смотрел на высокую, но одинокую фигуру молодого господина, и ему казалось, что тот весь насквозь пропитан сыростью, словно мох, растущий в заброшенном горном уголке.

<http://bllate.org/book/17117/1607480>